

8. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации), 2015 г. [Электронный ресурс]. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (дата обращения: 26.02.2016).

9. Травматизм на производстве [Электронный ресурс]. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/employment/ (дата обращения: 01.05.2016).

10. Число высокопроизводительных рабочих мест по видам экономической деятельности [Электронный ресурс]. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/employment/ (дата обращения: 01.05.2016).

Информация об авторах

1. Акьюлов Роберт Ишкалеевич (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, профессор УИУ РАНХиГС (Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. e-mail: director@uapa.ru).

2. Казанцева Ксения Алексеевна (Россия, Екатеринбург) – студентка III курса факультета «Экономика и Менеджмент» УИУ РАНХиГС (Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. e-mail: director@uapa.ru).

Akyulov R.I., Kazanceva K. A.

INFLUENCE OF EXTERNAL LABOUR MIGRATION ON DEVELOPMENT OF BRANCHES OF ECONOMY IN THE RUSSIAN REGIONS

In this article trends are discussed in the dynamics of migration processes in the Sverdlovsk and Chelyabinsk region during 2010-2014 years and especially their manifestations in these regions. The relationship between the performance of individual industries and the dynamics of labor migration was substantiated.

Keywords: labor migration, foreign migrants, employment, labor productivity.

Information about the authors

1. Akyulov Robert Ishkaleyevich (Russia, Yekaterinburg) – Doctor of economic Sciences, prof. Ural Institute of management - branch of Russian presidential Academy of national economy and public administration (Russia, Yekaterinburg, 8 Marta st., 66. e-mail: director@uapa.ru).

2. Kazantseva Ksenia Alekseevna (Russia, Yekaterinburg) – the student of the third course of faculty "Economics and Management", Ural Institute of management - branch of Russian presidential Academy of national economy and public administration (Russia, Ekaterinburg, 8 Marta st., 66. e-mail: director@uapa.ru).

УДК 331.556

Е.Б. Бедрина, Н.А. Глухова

МОНИТОРИНГ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ КИТАЯ В РОССИЮ*

В статье представлены результаты наблюдений за трудовой миграцией из Китая в Россию. Данный вид миграции рассматривается с точки зрения исторически

---

*Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария социально-экономического благополучия регионов России».

сложившегося сотрудничества стран в освоении сопредельных слабозаселенных территорий. Авторами анализируются количественные и качественные характеристики китайской миграции, ее динамика и региональная составляющая.

Ключевые слова: трудовая миграция, китайская миграция в регионах России

В силу особенностей исторического и экономического развития Китай выступает в роли поставщика трудовых ресурсов в Российскую Федерацию, занимая лидирующие позиции среди стран дальнего зарубежья, к которым его относит российская статистика. Однако наличие сопредельных с Российской Федерацией территорий и их совместное освоение, в том числе и российских земель, выделяет Китай из общей совокупности государств дальнего зарубежья и позволяет проводить сравнение китайской миграции с миграциями из стран СНГ. В пользу данного сравнения выступает и аргумент о том, что современный Китай гораздо ближе по доходу на душу населения к этим странам, нежели к развитым странам Европы и США, имеет те же демографические проблемы, как и страны Средней Азии – основные поставщики иностранной рабочей силы на российский рынок труда.

Миграция населения между Китаем и Россией является одной из наиболее древних. Считается, что первые перемещения маньчжуров и китайцев на территорию Приморской и Амурской областей начались еще в XVII в. во времена их нахождения в Цинский империи [1, с. 234.]. Если учесть тот факт, что мигрировали в основном мужчины, то можно предположить наличие процессов ассимиляции и этногенеза, а также формирования общекультурных ценностей у населения приграничной территории. Очевидно, переселенцы часто создавали семьи с представителями местных народностей, особенно тунгусов, которые населяли не только Восточную Сибирь, но и территории северо-восточного Китая.

Одной из особенностей китайской миграции является ее преимущественно «целевой» характер, проявляющийся в активном привлечении китайских граждан для реализации различных проектов по освоению Дальнего Востока и Сибири. Еще в конце XIX – начале XX вв. китайских рабочих активно использовали на российских золотых приисках в Амурской области. Владельцы приисков отдавали китайцам предпочтение в связи с тем, что привлечение российских подданных считалось нерентабельным, так как приходилось тратиться на обустройство их многочисленных домочадцев. Ссыльных, которых в этом крае было в избытке, обычно не привлекали на данные работы из-за недоверия к ним.

Китайцев активно вербовали на строительные работы. Без китайских рабочих не обошелся проект по строительству Забайкальской железной дороги – части Транссибирской магистрали, построенной 1895-1905 гг. Китайские рабочие принимали участие в строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), проходящей по территории Маньчжурии и соединившей Читу с Владивостоком и Порт-Артуром в 1897-1903 гг. В дальнейшем данная магистраль придала импульс экономическому развитию близлежащей территорий и привела к перенаселению Маньчжурии, а также к оттоку ее жителей в районы Приморья. Благодаря этому численность китайцев в Амурской и Приморской областях к 1910 г. достигла максимального значения и составила 92475 чел., или 11 % к общей численности местного населения [2, с. 37].

Во время Первой мировой войны, в условиях нехватки рабочих рук, российское правительство проводило вербовки жителей Китая для прокладки дорог, добычи угля, рубки леса, проведения строительных работ. В 1931 г. после оккупации Маньчжурии Японией на территорию СССР перешло большое количество военных и гражданских лиц, которые также пополнили трудовую армию. После окончания Второй мировой войны китайские граждане из Маньчжурии были приглашены для работы на предприятиях золотой, вольфрам-молибденовой и оловянной промышленности [3, с.185].

В 50-е гг. XX в. в период роста российско-китайского сотрудничества имела место широкомасштабная образовательная миграция китайской молодежи в Советский Союз. Однако в 60-е гг. XX в. наметилось охлаждение отношений между странами, что естественным образом сказалось и на трансакциях.

В начале 1990-х гг., в связи с либерализацией российской экономики, китайцев вновь начали активно использовать на лесозаготовках, в строительстве и овощеводстве. В 1992 г. был подписан двусторонний документ «Соглашение о принципах направления и приеме китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России» [7].

Особую роль в китайской миграции играют государственная политика и корпоративный сектор. Современное правительство Китая активно поощряет эмиграцию своих граждан. В частности, в 2000 г. 3-й сессией ВСНП десятого созыва была принята стратегия «Идти во вне», предусматривающая выход китайских предприятий на внешний рынок, создание китайскими компаниями филиалов за рубежом, освоение природных ресурсов других стран. В соответствии со стратегией предусмотрено завоевание значительной доли международного рынка труда. В отраслевой структуре экспорта рабочей силы из КНР приоритет принадлежит строительству и освоению природных ресурсов за рубежом [5, с. 60].

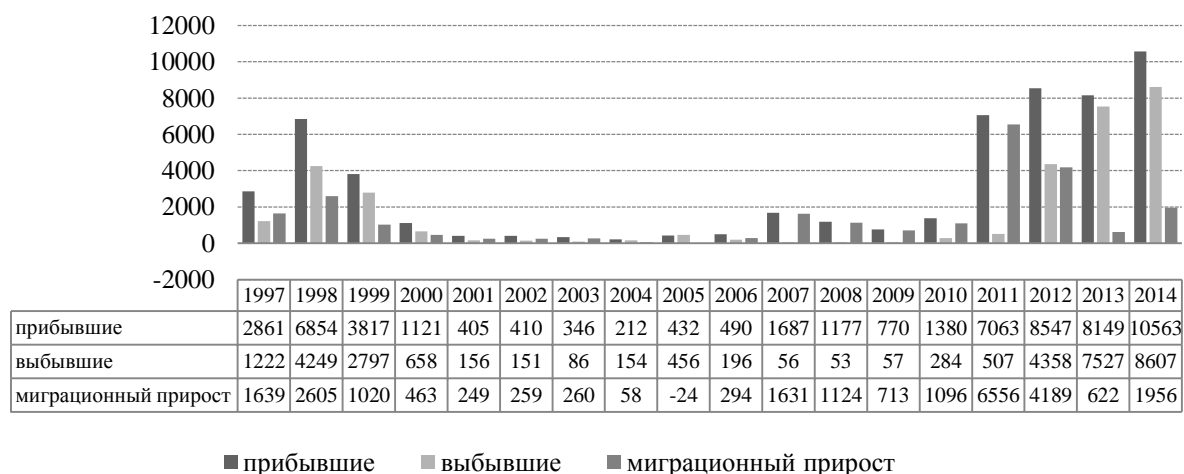
Уже в 2000 году Россия и Китай заключили соглашение «О временной трудовой деятельности граждан РФ в КНР и граждан КНР в РФ» [8]. В этом же году было подписано соглашение между странами о сотрудничестве по совместному освоению лесных ресурсов. Вследствие этого в 2002 г. на лесозаготовки в Амурскую область прибыли китайские рабочие. В июне 2007 г. была достигнута договоренность между администрацией Амурской области и народным правительством провинции Хэйлунцзян об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, в рамках которой особое место было уделено кооперации в сфере использования природного и лесного потенциала, а также вопросам привлечения рабочей силы из Китая в отрасли и регионы, в которых имеется недостаток трудовых ресурсов [2, с. 69].

Еще одним примером современного сотрудничества Китая и России на рынке труда является возведение трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) в 2006-2014 гг., для строительства которой велась активная вербовка граждан Китая. Другим аналогичным примером может служить совместно разрабатываемый правительствами России и Китая проект по строительству магистрального газопровода для поставок газа из Якутии в Приморский край и страны Азиатско-Тихоокеанского региона – «Сила Сибири».

Количественная оценка миграционных потоков из Китая в Россию, проведенная на основе официальных данных государственной статистики с 1997 по 2014 гг., выявила их изменчивость (рис. 1), а также выраженную зависимость от объемов реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке.

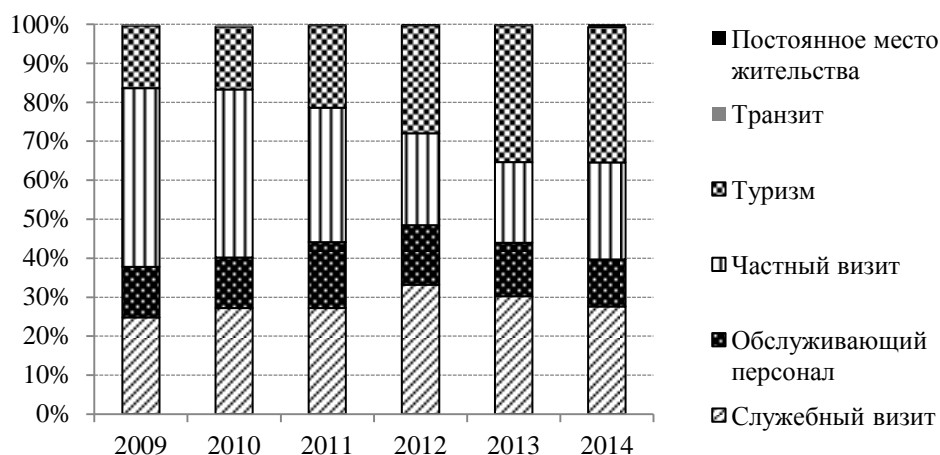
Важным моментом в анализе миграционных потоков является выделение трудовой миграции, которая имеет важное значение в вопросе формирования местного рынка труда для большинства принимающих территорий. Существует проблема ее статистического учета в связи, во-первых, со сложностью получения информации о том, сколько времени, въехавший мигрант будет находиться в стране-реципиенте и какое количество миграций он совершит в отчетный период, во-вторых, трудностью выявления нелегальной миграции.

В соответствии с данными ФМС России, большинство прибывших на территорию Российской Федерации китайских граждан целью своего визита указывали: частный визит (2009 – 2011 гг.), служебную командировку (2012 г.) и туризм (2013 – 2014 гг.). При этом доля трудовой миграции, к которой мы отнесли «служебный визит» и «обслуживающий персонал», ранжировалась от 38 % в 2009 г. до 49 % в 2010 г. (рис. 2).

Составлено по: Российский статистический ежегодник: стат.сб. – М.: Росстат, 2003, 2010, 2015.

Рис. 1. Миграция из Китая в Россию с 1997 по 2014 гг., по данным ФМС, чел.

Источник: официальный сайт ФМС России//<https://гувм.мвд.рф/about>

Рис. 2. Распределение иммигрантов из КНР, прибывших в Россию, по целям въезда в 2009-2014 гг.

На основании анализа информации о цели прибытия китайских граждан в Россию можно утверждать, что в настоящее время миграция из Китая продолжает носить преимущественно трудовой характер. Перенаселенность северо-восточных территорий Китая, высокая доля трудовых ресурсов при ограниченном количестве рабочих мест, процессы урбанизации, экологические проблемы и значительная дифференциация населения по уровню доходов заставляют жителей Китая выезжать на заработки, в том числе в Российскую Федерацию.

Сдерживающим фактором китайской миграции выступает визовый режим с Российской Федерацией, введенный для трудовых мигрантов из стран дальнего зарубежья. Однако существуют возможности для обхода данного ограничения, которые ведут к росту нелегальной китайской миграции. Во-первых, это возможность безвизового въезда на территорию страны в качестве туриста на основании российско-китайских межправительственных соглашений 1993 и 2000 гг. «О безвизовых групповых турах и туристических поездках» с последующим нелегальным трудоустройством. Во-вторых, возможность перебраться на российскую территорию в соответствии с соглашением

между приграничными городами Благовещенском (Россия) и Хэйхе (Китай) о безвизовом режиме пересечения Амура, разделяющего эти города.

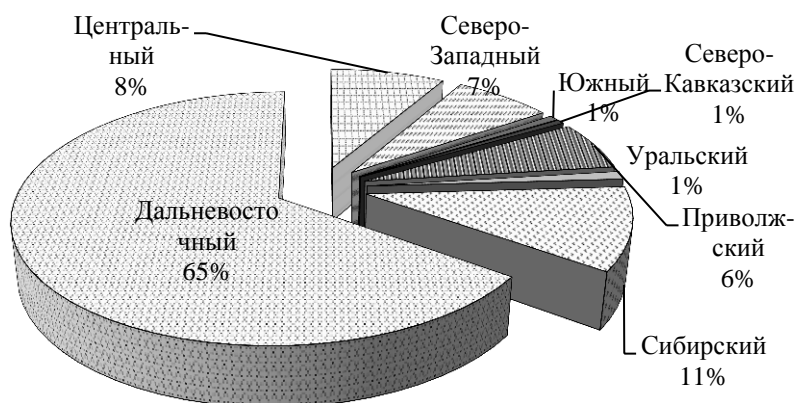
Только за 2009 – 2014 гг. китайская трудовая миграция увеличилась в 14 раз, а сумма миграционного прироста накопленным итогом за этот период составила 24709 чел. (см. рис. 1). Тем не менее, как видно из рис. 3, численность иностранных граждан из Китая, осуществляющих трудовую деятельность в России, после 2009 г. снизилась – и это противоречит ранее выявленной тенденции. Кроме того, если учесть тот факт, что китайские мигранты в массовом порядке не принимают российское гражданство, а работают временно [6, с. 174], можно утверждать, что, во-первых, нелегальная трудовая миграция из Китая в России имеет место; во-вторых, она увеличивается.

Составлено по: Труд и занятость в России: стат.сб. – М.: Росстат, 2003, 2010, 2015.

Рис. 3. Численность иностранных граждан из Китая, осуществляющих трудовую деятельность в России с 2000 по 2014 гг., по данным ФМС.

Статистика показывает, что миграция из Китая в Россию в количественном плане значительно уступает миграции из таких стран Средней Азии, как Узбекистан, Таджикистан, Киргизия. В 2014 г. ее доля в общих миграционных потоках составила всего 6,8 %. Однако для отдельных регионов Дальнего Востока она существенна. Так, в 2014 г. на Дальнем Востоке было зарегистрировано 7138 мигрантов из Китая, а доля этого региона в китайской миграции в Россию составила 65 %. Региональное распределение численности прибывших мигрантов из Китая в России в 2014 г. представлено на рис. 4.

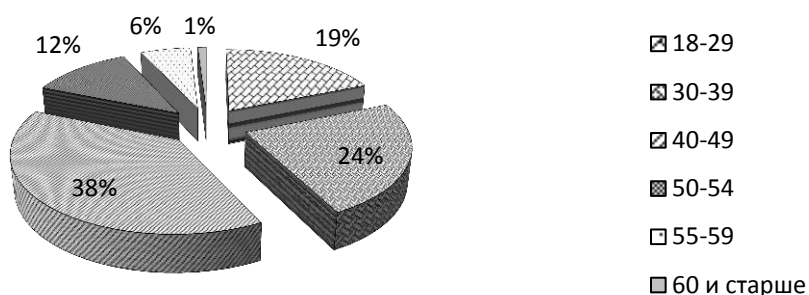

Составлено по: Российский статистический ежегодник – 2015: стат.сб. – М.: Росстат, 2015.

Рис. 4. Распределение численности прибывших из Китая мигрантов по регионам России в 2014 г., %

Наиболее привлекательными для китайской миграции являются Приморский край и Амурская область. По данным официальной статистики, в 2014 г. выходцы из Китая составляли: в Приморском крае – 25,8 тыс. чел., Амурской области – 18,8 тыс. чел., Магаданской области – 2,3 тыс. чел., Сахалинской области – 1,3 тыс. чел, Республике Саха (Якутия) – 1 тыс. чел.

Анализ возрастной структуры трудовой миграции из Китая в Россию показал, преобладание в ней более старших возрастов, чем у представителей Средней Азии. Данное обстоятельство отражает процесс старения населения Китая в связи с проведением ограничительной политики рождаемости. В 2014 г. на возрастную группу от 18 до 29 лет мигрантов из Китая приходится 19 %, тогда как на группу от 40 до 49 лет – 38 % (рис. 5).

Составлено по: Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М.: Росстат, 2003, 2010, 2015.

Рис. 5. Распределение иностранных граждан из Китая, осуществляющих трудовую деятельность в России в 2014 г., по возрастам, %

Анализ квалификационной структуры китайской миграции выявил более высокий уровень квалификации, нежели у представителей стран Средней Азии. Так, по данным официальной статистики, неквалифицированные работники в миграционных потоках из Китая составляют чуть более 3 %, в то время как руководители учреждений, организаций, предприятий и их структурных подразделений (служб) – 4 - 5 % (рис. 6).

Источник: Труд и занятость в России: стат.сб. – М.: Росстат, 2015.

Рис. 6. Распределение трудовых мигрантов из Китая по профессиональной квалификации, %

Таким образом, мониторинг выявил наличие исторических корней миграции из Китая в Россию, ее тесную связь с государственной экономической политикой, проводимой китайским правительством, и инвестиционной активностью российских регионов. Были замечены значительные временные колебания официально регистрируемой численности трудовых мигрантов, а также наличие масштабной нелегальной миграции. Сравнение с миграционными потоками из Средней Азии показало, что китайская миграция «более зрелая», уровень ее квалификации выше. Китайские граждане чаще трудоустраиваются на горнодобывающие предприятия, лесозаготовки, занимаются сельским хозяйством и предпринимательством, чем представители стран СНГ.

© Бедрина Е.Б., Глухова Н.А. Текст. 2016

Список источников

1. Азиатская Россия. Т. I. Люди и порядки за Уралом / [Под руководством Г.В. Глинки]. – СПб., 1914.
2. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. – Благовещенск, 2009.
3. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 4. Дальневосточное общество в 1945—1950-е годы. – Владивосток, 2009.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Демоскоп Weekly, 2016, № 689-690 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>
5. Пэнг Уэн Дзе. Миграция рабочей силы из Китайской Народной Республики в условиях усиления открытости экономики // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2010. – № 10. – С. 52-61.
6. Садовская Е.Ю. Этническая структура современных миграций из Китая в Казахстан и проблемы принимающего общества // Вестник Евразии. – 2008. – № 2 . – С. 151-180.
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной республики о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России // Сборник российско-китайских договоров, 1949-1999 гг. / под ред: Г.Б. Карасина. Москва, 1999.
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республики и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации // Сборник российско-китайских документов, 1999-2007/ Под ред. А.П. Лосюкова. Москва, 2007.

Информация об авторах

1. Бедрина Елена Борисовна (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; старший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН (Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29. e-mail: Bedrina1967@mail.ru).

2. Глухова Наталья Андреевна (Россия, Екатеринбург) – студентка Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. e-mail: naattaalliyu@gmail.com).

MONITORING OF LABOR MIGRATION FROM CHINA TO RUSSIA

The article presents the results of the monitoring of labor migration from China to Russia. This type of migration consider from the point of view of historically established cooperation between the countries in the development of neighboring sparsely populated areas. The authors analyzed the quantitative and qualitative characteristics of Chinese migration, its dynamics and regional component.

Keywords: labor migration, Migration from China to Russia

Information about the authors

1. Bedrina Elena (Russia, Yekaterinburg) – Ph.D., Associate Professor of the Ural Federal University. First President of Russia BN Yeltsin, a Senior Researcher at the Institute of Economics s of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Moskovskaya st., 29. e-mail: Bedrina1967@mail.ru).

2. Glukhova Natalia Andreevna (Russia, Ekaterinburg) – Urals Federal University Student them. First President of Russia BN Yeltsin. e-mail: naattaalliyy@gmail.com).

УДК 314.7

А.Г. Боброва, А.А. Пилютик

**МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС**

В статье обосновывается необходимость организации единого учета рынка мобильности рабочей силы на пространстве ЕАЭС, а также многогранного рассмотрения развития ситуации с учетом изменений нормативно-правового, социально-экономического, политического и демографического характера, что позволяет повысить качество исследований.

Ключевые слова: миграция, рабочая сила, миграционное законодательство.

Интеграционные процессы по расширению экономического сотрудничества Беларуси, России и Казахстана, начавшиеся в 2009 г. и обусловившие ратификацию почти 40 международных договоров, выразились в создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), договор о котором был подписан в мае 2014 г.

Развитие законодательной базы нашло отклик в новой волне увеличения миграционных перемещений. Анализ миграционных процессов между Беларусью и другими странами ЕАЭС позволяет судить о высоких темпах их динамики. Так, по данным официальной статистики, брутто-миграция в Беларуси со странами СНГ за первое полугодие 2015 г. составила почти 15 тысяч человек, что на 35% больше по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. Безусловно, в течение последнего десятилетия основная часть (более 70%) миграционного оборота со странами СНГ приходилась на перемещения в и из России. Исключением стал 2014 г., когда в результате военных конфликтов доля Украины выросла в 2 раза. Тем не менее, роль Казахстана, Армении и Киргизии, а также стран-претендентов на вступление в ЕАЭС в миграционном обороте Беларуси увеличивается.

Причем данные миграционных служб принимающих стран выявили существенные занижения официальной статистики по безвозвратной миграции из Беларуси (рис. 1).